

Лянь Уцзэн умер. Сердце остановилось, дыхание прервалось. Он лежал на больничной койке совершенно неподвижно — обтянутый иссохшей кожей ворох сухих веток, который какой-то беспечный дровосек позабыл здесь за ненадобностью. Странное дело: болезнь подтачивала его долго, выпила все соки и наконец довела до могилы, но волосы покойника оставались на удивление черными и густыми. Смоляным облаком они покоились на подушке, словно готовые вот-вот сняться с места и улететь прочь.

Койка Уцзэна стояла у самого окна. Лянь Цзяньюэ замер рядом, глядя то на мертвеца, то на улицу. Стояла середина апреля, весна вовсю вступала в свои права, и в открытую створку врывались порывы теплого ветра. Сквозь их свежесть уже пробивался едва уловимый, тяжелый душок — плоть покойного начинала остывать и портиться. Цзяньюэ нажал кнопку вызова медсестры у изголовья и шире распахнул окно.

В палате теснилось шесть коек. Кого здесь только не было: мужчины, женщины, старики и дети; лежащие тяжелые и вполне бодрые; хирургические и терапевтические — всех смешали в одну кучу. Для деревенской больницы условия казались сносными. Если честно, Цзяньюэ даже удивился. В Каменной деревне едва ли насчитывалось пятьдесят дворов, а тут — вполне приличная лечебница с приемным покоем и стационаром. Поговаривали, что даже из уездного центра, Бэйсяня, люди частенько приезжали лечиться именно сюда, особенно с переломами и камнями в почках. Местные костоправы и хирурги пользовались такой славой, что могли потягаться с профессорами из столичных клиник.

Сама палата едва насчитывала десяток квадратных метров. Койки стояли в два ряда, друг напротив друга, разделенные узким проходом шириной в локоть. Вместо ширм у изголовья каждого ложа ютился колченогий прикроватный столик. Никаких занавесок не предусматривалось, поэтому ни больные, ни навещавшие их родственники не стеснялись: от нечего делать все пялились друг на друга, подмечая, кто что ест и какого цвета моча в чужих суднах. Цзяньюэ ходил сюда шесть дней подряд и за это время успел изучить соседей покойного отца досконально, хоть и не знал их по именам. На соседней, второй койке, лежал крепкий парень с загипсованной правой ногой. Дальше — еще один молодой бедолага, тоже с переломом, но уже левой руки. Была тут женщина с тяжелым пищевым отравлением, пожилой мужчина с почечной коликой и паренек, который пришел провериться после укуса бродячей собаки, да подхватил простуду и загремел в палату с лихорадкой. Беднягу кололи по несколько раз в день, и при виде шприца он начинал мелко дрожать.

Час стоял ранний, и половина палаты еще дремала. Но стоило Уцзэну отойти, как бодрствующие принялись расталкивать спящих, шепотом передавая новость: «Лао Лянь преставился!»

Палата мгновенно ожила. Все взгляды устремились на третью койку. В этот момент дверь приоткрылась, и вошла женщина. Цзяньюэ не раз видел ее раньше — это была родственница соседа со второй койки, приметная особа с крупной родинкой возле губы. Едва переступив порог, она тоже принялась вытягивать шею, пытаясь рассмотреть усопшего. Каменная деревня — захолустье, так что покойный Лао Лянь наверняка приходился сватом или братом половине этой комнаты.

Один лишь Цзяньюэ не смотрел на мертвеца. Что там разглядывать? Смерть никого не красит,

а старик и при жизни не отличался статью. Парень взял с тумбочки яблоко, небрежно обтер его о штанину и с хрустом вонзил зубы в сочную мякоть. Прожевав пару кусков, он кое-что вспомнил. Пошарив в кармане куртки, он выудил помятую визитку. На ней значилось: «Ритуальная Служба „Взаимное Согласие“. Менеджер по продажам Цюй Цзючуань».

Цзяньюэ набрал указанный номер.

Кнопка вызова была нажата уже прилично, но дежурная сестра не спешила являться. Набранный номер тоже упрямо отзывался лишь длинными гудками. Тем временем любопытство соседей переросло в откровенную беспардонность. Они глазели на тело почти не мигая, особенно парень со второй койки. Тот буравил взглядом не столько мертвеца, сколько самого Цзяньюэ. И ладно бы это был просто досужий интерес — чужая смерть всегда щекочет нервы, — но грудь соседа вздымалась так тяжело и шумно, словно он сам задыхался. Цзяньюэ даже подумал, не подхватил ли калека заразу от того простуженного мальчишки. Он одарил разволновавшегося больного участливым взглядом, но от этого парня со второй койки перекосило еще сильнее. На бледном лице проступила глухая злоба, глаза налились кровью, а на ресницах заблестели слезы.

Цзяньюэ продолжал невозмутимо жевать яблоко прямо под этим яростным прицелом. Телефон в руке все еще уныло пищал гудками. Огрызок становился все меньше. Вдруг сосед не выдержал. Лицо его набрякло багровым гневом, на лбу вздулись синие вены. Он резко повернулся к женщине с родинкой и рявкнул на всю палату:

— Это вообще как понимать?! Отец только что концы отдал, а этот ублюдок сидит и яблоками хрустит! Сука, тварь неблагодарная! Лао Лянь, бедный ты человек, вырастил выродка!..

Женщина отвесила ему тяжелый подзатыльник:

— Прикуси язык! Какое твое собачье дело? Молчи лучше.

— Да они только что разговаривали! — не унимался парень. — Старик даже фразу закончить не успел, как дух испустил!

Женщина мельком зыркнула на Цзяньюэ. Сам виновник переполоха продолжал лениво пережевывать фрукт, размышляя о том, что этот горлопан, скорее всего, был постоянным клиентом покойного отца. Наверное, частенько привозил к нему свой велосипед в ремонт, вот и сдружились на почве дырявых камер. Сентиментальный, видать, малый. Иначе с чего бы так убиваться? Другой на его месте давно бы плюнул на развалюху, купил электробайк или вовсе ходил пешком.

Цзяньюэ скосил глаза в окно. На парковке возле терапевтического корпуса ровными рядами стояли мопеды и скутеры. Он попытался припомнить: за те десять дней, что он провел в Каменной деревне, ему не попался на глаза ни один велосипед. На узких улочках сновали исключительно юркие электробайки да тарахтящие мотоциклы, изредка разбавленные грузовыми тележками. На какую такую клиентуру рассчитывал Лао Лянь, выставляя у порога

свой ремонтный ящик, оставалось загадкой.

Наконец в дверях показалась заспанная медсестра, а в трубке раздался бодрый мужской голос:

— Ритуальная служба «Взаимное согласие» приветствует вас! Желаем вашим близким скорейшего перерождения в Чистых Землях. Здравствуйте, чем могу помочь?

— Это менеджер Цюй Цзючуань? — спросил Цзяньюэ. — У меня тут труп. Нужно забрать. Народная больница Каменной деревни, стационар, третий этаж, палата 301, третья койка.

Медсестра махнула рукой:

— Обождите маленько, я сейчас позову доктора Чэня. — Схватив историю болезни Уцзэна, она выскочила в коридор.

На том конце провода Цюй Цзючуань мгновенно сменил тон на скорбно-заупокойный:

— Триста первая палата, третья койка... Это же старик Лянь! Ох, примите мои искренние соболезнования. Не убивайтесь так, все мы там будем. Отмучился бедолага, зато в следующей жизни точно повезет — родится богачом да красавцем. Слушайте, я тут как раз оформляю коллективный поминальный молебен для усопших душ, не хотите вписать имя отца в список? Для очищения кармы дело верное.

Пока Цзяньюэ раздумывал, Цюй Цзючуань поспешно добавил:

— Я ведь тоже у него велик чинил. Считайте это моим скромным подношением его памяти. Денег за молитву не возьму.

— Как знаешь, — безучастно бросил Цзяньюэ.

Он нажал отбой. Сверившись с часами, парень быстро доел яблоко, вытер липкие пальцы влажной салфеткой и принялся собирать нехитрые пожитки из тумбочки. На полированной крышке сиротливо лежали три нетронутых плода. Внутри пылились старый термос, потрескавшийся пластиковый тазик и прочая дребедень. Отыскав среди этогохлама полиэтиленовый пакет, он смахнул туда оставшиеся яблоки.

Гостинцы принесли местные старики, изредка заглядывавшие проведать Уцзэна. Цзяньюэ пересекался с ними пару раз. Одни опирались на суковатые клюки, других вели под руки родственники. Когда эти люди улыбались или заговаривали, в глаза бросались голые багровые десны — зубов ни у кого не осталось, а о протезах в этой глуши никто и не слышал. От каждого из них разило густым, едким табачным перегаром. Подобный запах преследовал здесь каждого второго: местная махорка славилась особым кислым ароматом, какого Цзяньюэ не встречал больше нигде. Деревенские свято верили, что этот самосад продлевает жизнь. Мол, можно и не

пообедать лишний раз, но затянуться трубкой — святое дело.

Сам Лянь Уцзэн никогда не притрагивался к табаку и не переносил дыма, а умер в итоге от рака легких. Горькая ирония. Словно другие курильщики забирали чужие годы, чтобы продлить свои собственные.

Посетители эти были соседями отца по улице. Когда один из стариков впервые увидел Цзяньюэ, у него по щекам покатались слезы. Он вцепился в рукав парня скрюченными пальцами и запричитал:

— Что ж ты так поздно приехал, малец! Отец-то твой... угасает ведь, совсем плох!

А какая-то дряхлая старушка долго разглядывала Цзяньюэ слезящимися глазами и качала головой:

— Батюшки, встретишь на улице — в жизнь не признаешь! У Лао Ляня ведь мальчишка рос, помнится. А этот патлатый какой-то, волосы до плеч...

Эти люди прожили бок о бок с Уцзэном добрых полвека и привязались к нему всей душой. Они дежурили у его постели преданнее и чаще, чем родной сын, сменяя друг друга с утра до вечера. Вот и сейчас, от силы через час, они должны были заявиться гурьбой. Но старик ушел на рассвете, когда первые лучи солнца едва коснулись оконной рамы, так и не успев попрощаться со старыми друзьями.

Обычно они приносили с собой нехитрые полевые цветы, домашнюю стряпню или морсы. Их любимый Лао Лянь к тому моменту уже потерял дар речи, не мог пошевелиться и даже приподняться на локтях — ноги его усохли до костей, а спину покрывали жуткие пролежни. Но старики все равно садились кружком, тихонько ворковали о деревенских новостях, бережно растирали его неможное тело сухими, шершавыми ладонями и обтирали влажными тряпицами. Цзяньюэ, раз застав это трогательное, но невыносимо душное сборище, расспросил медсестру о часах их посещений и впредь старался приходить в другое время.

Он не испытывал к умирающему отцу никаких нежных чувств. Но раз уж притащился в такую глушь из самого Чжэцзяна, деваться было некуда. Знакомых в деревне у него не водилось, заводить их он не собирался, а торчать в пустом отцовском доме было выше его сил. Там все стены были завалены стопками пожелтевших газет и ветхих книг, старый телевизор ловил от силы два канала, а о мобильном интернете или вай-фае в тех краях даже не слышали. В больнице же ловила бесплатная сеть, а во дворе стационара раскинулся уютный сад. Весна брала свое, деревья одевались в свежую зелень, распускались цветы — словом, больничный сквер казался самым приятным местом во всей Каменной деревне.

Пошарив в недрах тумбочки, Цзяньюэ вытащил упаковку с сушеным женьшенем и тоже забросил ее в пакет. За ней обнаружилась жестяная коробка с вафельными трубочками с полугодовым запасом годности. Недолго думая, он вскрыл крышку и принялся хрустеть выпечкой.

Сам Уцзэн давно уже не мог принимать твердую пищу, так что все подношения сердобольных соседей неизменно оседали в желудке сына. Цзяньюэ навещался в палату раз в день: если на тумбочке лежали свежие фрукты, он съедал одно яблоко, после чего отправлялся коротать часы на лавке в сквере. С наступлением сумерек возвращался в пустой отцовский дом. Иногда, если одолевала бессонница, он тайком пробирался в больничное крыло глубокой ночью — проверить, не оставили ли старику новых гостинцев, да поглядеть, не распустились ли почки на магнолиях в саду. Никто его не гонял. В провинциальной больничке царили простые нравы; к тому же, раз пациент находился при смерти, врачи сквозь пальцы смотрели на визиты единственного родственника. Если яблок на тумбочке не оказывалось, парень без лишних слов сразу уходил гулять под деревья.

Как-то раз Цзяньюэ спросил у лечащего врача, доктора Чэня:

— Если у него рак легких, почему он совсем ничего не ест? Выглядит так, будто у него поражен желудок.

— Метастазы уже разошлись по всему телу, — вздохнул доктор. — Боли невыносимые, тут уж не до еды. Обычное дело при такой запущенной стадии.

— Без еды человек живет всего семь дней, — обронил Цзяньюэ.

Доктор Чэнь с недоумением посмотрел на него:

— К чему ты это? Не понимаю твоей логики.

Парень и сам не знал, зачем сморозил глупость — фраза сорвалась с языка сама собой.

— Если ему станет совсем неважно, я увеличу дозу обезболивающего, — добавил врач.

Тут уж озадачился сам Цзяньюэ:

— А я-то как узнаю, сильно ему больно или нет?

— Он разве не кричит?

Цзяньюэ покачал головой. В больничных коридорах крики о помощи раздавались постоянно: то в травматологию привозили очередного бедолагу со сломанной рукой, то в урологии кто-то выл от боли в ожидании операции. В их собственной палате двое маялись с переломами, а один — с камнями в почках. Почечная колика — мука страшная. С ней под нож хирурга сразу не кладут, заставляют пить воду литрами, чтобы песок сам выходил. Когда камень застревает в мочеточнике, несчастный готов на стену лезть. Такие стоны можно слушать ночи напролет.

Но Лао Лянь молчал. Он просто лежал, уставившись в потолок, и его впалая грудь едва заметно вздымалась. Он просто терпел. Тихо, упрямо цепляясь за остатки жизни.

До приезда сына старик пролежал в палате уже больше месяца.

Доктор Чэнь рассказывал, что, когда Лао Ляня только привезли на скорой, его сразу спросили о сыне: где живет, как связаться, ведь родных нужно поставить в известность.

— В Каменной деревне все знали, что у него есть сын? — усмехнулся Цзяньюэ.

Сам он частенько забывал, что у него вообще где-то есть отец.

— А как же не знать? — удивился доктор Чэнь. — Ты, малец, видать, позабыл, как я тебя в детстве лечил. Здоровьем ты не блистал, рос тощим, как соевый стебелек. Твой отец все сокрушался: и кормит вроде досыта, и ухаживает, а парень все чахнет. Тебя то в жар бросало, то в холод. Кожа ледяная делается, как у покойника, а через час — пышет огнем, хоть воду на тебе кипятить. Я спрашивал Уцзэна, не недоношенным ли ты родился, да он только руками разводил. Мы тебя вдоль и поперек обследовали, да ничего не нашли. Думали, малокровие или истощение какое. Я велел отцу кормить тебя яйцами да молоком поить деревенским. Но ты все равно продолжал хворать. Мы с Лао Лянем, грешным делом, боялись, что в один прекрасный день ты просто сгоришь от очередной лихорадки. А погляди на себя теперь — вымахал под потолок, плечи в косую сажень! Как здоровье-то, не беспокоит больше? Эх, я ведь только-только работать сюда пришел, когда ты малым был. Глянь на меня сейчас — сколько, думаешь, мне стукнуло?

Старик растопырил пятерню и широко улыбнулся. Зубы у него были неважные — кривые, тронутые чернотой, но табачного перегара, в отличие от прочих деревенских, от него не исходило.

— Доктор Чэнь, я слышал, в Каменной деревне вода плохая, — заметил Цзяньюэ.

Врач опустил руку и недовольно нахмурился:

— Не сбивай меня с мысли, дай досказать.

Парень умолк, приготовившись слушать.

— Твой старик поначалу твердил, что нет у него никакой семьи, — продолжил Чэнь. — А я ему говорю: «Лянь, у тебя рак в последней стадии, а не малярия. Подумай хорошенько, не упрямься. Зачем на сына зло держать? Обиды пройдут, а парень потом всю жизнь локти кусать будет, что отца не проводил». Но он у тебя кремень — заладил свое и ни слова больше. Я даже сам в участок ходил, просил этих остолопов из паспортного стола проверить, куда тебя прописали. Так они меня взашей вытолкали, дескать, не лезь не в свое дело. Ну и бог с ними. А через

месяц старик, видать, одумался. Совсем ему худо стало. И вот как-то ночью он просит дежурную сестру: «Дочка, набери мне номерок один. Межгород. В провинцию Чжэцзян».

Цзяньюэ не сдержал ухмылки:

— Решил, что до сих пор телеграммы на телеграфе отстукивают?

— Сестра тоже удивилась: «Кому звонить-то? Имя назови». А он ей: «Сыну». Ну девка и вскипела: «Лао Лянь, ну что ты за человек! Сын есть, а ты молчишь как партизан! Пускай немедля приезжает!» А твой отец ей...

Цзяньюэ вяло махнул рукой, давая понять, что не желает слушать продолжение сентиментальной истории. Доктор Чэнь спорить не стал, лишь мягко перевел тему:

— Тебя ведь больше двадцати лет здесь не было. Наверное, деревню теперь и не узнать? Отец-то тебя в Чжэцзян отправил, должно быть, ради лучшей доли... — Он окинул парня оценивающим взглядом. — А учился ты на кого? Творчеством занимаешься? Небось, кучу денег на это ухлопали. Старику одному ох как непросто приходилось.

— Я у кузнеца одному ремеслу учился, — ровным тоном ответил Цзяньюэ. — Тот мастер был старым приятелем Лао Ляня. Я несколько раз пытался сбежать обратно домой, но наставник ловил меня и повторял: «Вернешься — отец тебя следующим же поездом обратно отправит». Так каждый раз и возвращали.

У доктора Чэня иссякли вопросы.

Они вернулись в палату. Врач подошел к третьей койке, следом за ним шла давешняя медсестра. Цзяньюэ коротко кивнул ему и спросил в лоб:

— Все? Отмучился?

Доктор взглянул на показания приборов, посветил фонариком в зрачки усопшего и тихо выдохнул:

— Да, отошел. — Он печально покачал головой. — Эх, у кого теперь велосипеды чинить...

Цзяньюэ со щелчком закрыл жестяную коробку из-под вафель. Доктор Чэнь повернулся к нему:

— Знаешь, что теперь делать?

— Позвонил похоронщикам. Жду, когда приедут.

Парень со второй койки снова шумно фыркнул и ядовито процедил сквозь зубы:

— Еще бы! Дух испустить не успел, а сынок уже суетится, звонит куда надо.

Сидевшая рядом женщина снова зыркнула на него:

— Тебе повылазило, что ли? Угомонись уже, ради бога!

Доктор Чэнь сочувствующе похлопал Цзяньюэ по плечу:

— Пойдем со мной в ординаторскую, выпишу свидетельство о смерти.

Парень молча последовал за врачом. Пока тот стучал по клавишам компьютера, Цзяньюэ сидел на стуле у стены и быстро набивал сообщение Цюй Цзючуаню:

«Я в кабинете доктора Чэня, жду свидетельство о смерти».

Тот ответил почти мгновенно:

«Уже внизу. Скинь контакт в WeChat, спишемся там».

Они быстро добавили друг друга в контакты. Доктор Чэнь, не отрываясь от экрана, поинтересовался:

— Какую контору выбрал?

— Вот эту, — Цзяньюэ протянул ему визитку.

Врач скользнул взглядом по карточке и одобительно кивнул:

— А, Цзючуань! Парень толковый, хоть и молодой. Дело свое знает крепко, не обманет. Держи бумагу.

Принтер с тихим жужжанием выдал свидетельство о смерти. Цзяньюэ, даже не взглянув на текст, сложил лист вчетверо и сунул в карман куртки.

В WeChat пришло голосовое сообщение от Цзючуаня. Цзяньюэ прижал телефон к уху.

Ритуальщик деловито перечислял три главных пункта: во-первых, ни в коем случае не терять свидетельство, иначе в крематории развернут у порога; во-вторых, срочно подыскать место на кладбище (на этот случай он сразу прикрепил ссылку на Таобао с подписью: «выбери и оформляй покупку прямо сейчас»); в-третьих, составить список имен для гравировки на надгробии — кто из родни желает отметить.

Цзяньюэ коротко усмехнулся, поднялся со стула и протянул руку доктору Чэню:

— Подход у него и правда основательный. Ну, я пойду. Спасибо вам за все.

Старый врач смущенно кашлянул:

— Да за что благодарить-то... Не спас я твоего отца.

Он тяжело, нутжно вздохнул.

— Рак в терминальной стадии ни в одной клинике мира не лечится, — спокойно пожал плечами Цзяньюэ.

Доктор Чэнь посмотрел на него грустными глазами, лицо его сделалось еще более морщинистым:

— Эх, парень... Ты ведь всего пару дней как приехал...

Он снова вздохнул. Цзяньюэ слегка приобнял старика за плечи:

— Вы тоже держитесь. — Помолчав секунду, он добавил: — И купите себе наконец мопед.

Вернувшись в палату, Цзяньюэ сразу заметил Цюй Цзючуаня. Тот выделялся за версту: крепкий, круглолицый парень лет двадцати с небольшим, выраженный в дешевый строгий костюм поверх кричащих спортивных кроссовок — вылитый столичный риелтор средней руки. Короткая стрижка полностью открывала уши, мочки которых были густо утыканы серебристыми гвоздиками. В прошлый раз они столкнулись у дверей операционной, где Цзючуань без устали совал визитки каждому встречному и поперечному, лучезарно улыбаясь и тараторя без умолку:

— Цюй Цзючуань, ритуальные услуги под ключ! Круглосуточная забота о вас и ваших близких!

Кое-кто плевался и тут же швырял карточки на пол, считая это дурным предзнаменованием, но агент и бровью не вел — улыбка словно приклеилась к его лицу, а в глазах плясали веселые искорки. Сегодня он ничуть не изменил своему стилю: все тот же пиджак с кроссовками и все та же неумная страсть к рекламе. Завидев вошедшего Цзяньюэ, Цзючуань кивнул на третью

койку, приветственно взмахнул рукой и, ловко всучив последнюю визитку какому-то бедолаге, поспешил навстречу:

— Приветствую, приветствую! Это вы мне звонили?

— Да, я, — кивнул Цзяньюэ и указал на усопшего. — Вот он. Как нам доставить его в морг? У тебя есть транспорт?

Ритуальщик заметно опешил:

— Э нет, так дела не делаются. Почтение же надо выказать! Неужто не станете держать покойного дома положенные семь дней? А как же родня, друзья? Им ведь тоже надо успеть приехать, проститься.

— Наш дом далеко отсюда.

— А-а, значит, скончался на чужбине, — протянул Цзючуань. — И откуда вы родом? Лоян, Шанцю, Цюйфу? Мы можем организовать перевозку на спецтранспорте. Сами понимаете, листья должны падать к корням, человеку нужен покой в родной земле. Родственникам уже сообщили? По поводу гроба... Гляньте-ка сюда. — Он разблокировал экран телефона и продемонстрировал онлайн-каталог. Выбор поражал воображение: от аляповатых ящиков под названием «Разноцветная Глазурь» до ослепительно белых ларей «Ясная Луна в Поднебесье», оснащенных встроенной охлаждающей установкой сухого льда «Небесный Дворец».

Цзяньюэ досадливо поморщился:

— Не надо ничего. Везите сразу на кремацию.

Цзючуань окинул клиента внимательным, изучающим взглядом:

— Что ж, хозяин — барин. Раз просите без лишней суеты... Каменная деревня наша хоть и глушь, но инфраструктура у нас налажена: и больница своя, и крематорий под боком. Действительно, зачем везти тело через полстраны, трястись по ухабам? Куда лучше проводить человека в последний путь здесь, в тишине и покое. Вы человек практичный, мне это нравится. Будет сделано. А с местом на кладбище определились? Ссылочку мою изучили? Ладно, не горит, по дороге выберем. Сейчас я кликну ребят, пускай поднимаются. Траурные ленты, венки, музыкальное сопровождение заказывать будете? Хотя скромную церемонию в зале прощания надо бы...

— Сказал же: ничего не надо.

Цзючуань согласно кивнул. Но тут со второй койки снова раздался издевательский голос раненого парня:

— Да уж, покойник сам себе гроб не выберет! Что сынок решит, в том и сожгут!

Женщины с родинкой в палате уже не было — ушла куда-то. Цзяньюэ пропустил шпильку мимо ушей. Сосед злобно хмыкнул, со скрипом налег на костыли и заковылял к изножья своей кровати. В тесной палате развернуться было негде, и траектория его движения пролегла в опасной близости от Цзяньюэ. Сделав вид, что направляется в уборную, калека внезапно покачнулся, словно еще не приноровился к костылям, и завалился прямо на парня. Его правое плечо нацелилось точно в грудь Цзяньюэ.

Цзяньюэ даже не шелохнулся. Левая рука непринужденно осталась за спиной, а правой он крепко ухватился за спинку соседской кровати. Стоило плечу парня врезаться в него, как Цзяньюэ мгновенно напряг пальцы, перераспределяя нагрузку. Он устоял на месте как вкопанный, а вот нападающий внезапно обмяк, потерял равновесие и с глухим стуком шлепнулся обратно на матрас.

Цзяньюэ как ни в чем не бывало повернулся к ритуальщику:

— Ну что, едем в крематорий?

Краем глаза он заметил, как побледнел раненый. Тот явно не ожидал подобного отпора. Цзяньюэ и сам внутренне удивился. Обывателю могло показаться, что хромой просто не удержался на ногах и случайно задел соседа. Но Цзяньюэ превосходно распознал подвох. В этом столкновении половина силы пришлась на грубую мышечную массу, а вторая половина — на мощный импульс внутренней энергии нэйцзя. Тот парень бил наверняка, намереваясь если не покалечить, то серьезно уязвить его внутренние органы. Его ци была плотной, горячей и напористой; подобный уровень мастерства требовал как минимум двадцати лет непрерывных тренировок. Учитывая, что на вид парню было от силы лет двадцать семь, он наверняка практиковал суровое затворничество и возвращал силу духа с раннего детства, оберегая девственную чистоту тела ради боевого искусства.

Удивительно встретить столь искушенного мастера в глухой деревне. Впрочем, Цзяньюэ терзал другой вопрос. Настоящие адепты боевых искусств дышат иначе, их шаг, осанка и ток жизненных сил выдают их с головой любому знающему человеку. Но за шесть дней тесного соседства в этой палате Цзяньюэ ни разу не заподозрил в инвалиде мастера единоборств, хотя они не раз сталкивались в дверях. Выходит, этот парень умышленно запечатал свои каналы и скрывал истинную суть? Но для чего?

Пока он размышлял над этой загадкой, в палату торопливо вернулась женщина с родинкой у губы. Она тут же подскочила к парню и бесцеремонно уложила его обратно на подушки:

— Тебе мало одной сломанной ноги?! Куда тебя несет? Лежи смирно, горе луковое!

Раненый промолчал, лишь воровато зыркнул по сторонам и протянул костыль женщине. Цзяньюэ едва заметно нахмурился. Снова фальшивый маневр! Постороннему показалось бы, что парень просто отдает вещь, но костыль двигался по хитрой траектории, готовый в любой

миг скользнуть вперед и пробить ребра стоявшему рядом Цзяньюэ. Очередная проба сил. Вероятно, калеку сбило с толку полное отсутствие у Цзяньюэ признаков внутренней энергии, из-за чего его собственный скрытый выпад обернулся против него же. Теперь он хотел прощупать соперника и вывести его истинный уровень.

Цзяньюэ действительно не владел внутренней энергией. Врожденный недуг лишил его возможности возвращать ци, зато наделил феноменальной телесной чувствительностью и молниеносной реакцией. Не имея возможности атаковать традиционными методами, он разработал собственный уникальный способ ведения боя, основанный на перенаправлении чужих ударов. Со стороны это походило на знаменитый прием тайцзицюаня «четырьмя лянами сдвинуть тысячу цзиней», однако дьявол крылся в деталях. Истинные мастера тайцзи поглощают чужую силу, пропускают ее через собственные меридианы и возвращают противнику, создавая замкнутый внутренний круг. Цзяньюэ же, лишенный этой энергетической структуры, действовал проще: его тело служило лишь проводником, заземляющим чужой импульс во внешние объекты.

Секундой ранее он попросту перебросил всю кинетическую и внутреннюю энергию соседа на железную раму больничной койки. А поскольку нападавший стоял вплотную к ней, его же собственный отраженный импульс швырнул его обратно на матрас.

Костыль приближался, но Цзяньюэ не шелохнулся, готовый гасить новый выпад. В этот критический момент между ними внезапно вырос Цюй Цзючуань. Завидев его широкую спину, раненый мгновенно среагировал — его запястье дернулось, уводя опасный наконечник в сторону, а убийственное намерение в глазах тут же угасло. Цзючуань мягким, почти небрежным движением отвел костыль в сторону, помахал ладонью у лица и добродушно заулыбался:

— Уф, ну и духота сегодня! Ладно, пойду свистну ребят, пускай поднимаются.

Цзяньюэ перевел взгляд: женщина уже отобрала у парня костыль, продолжая негромко ворчать. Тот сидел на краю постели, уставившись в пол. Лицо его сделалось серьезным и хмурым, на соседа он больше не смотрел.

Вскоре в палату вошли двое крепких парней. Цзючуань с гордостью представил их:

— Знакомьтесь, Сяо Ван и Сяо Ли. Лучшие сотрудники нашего выездного отдела!

Ребята принесли складные носилки и ловко переложили на них высохшее тело Лао Ляня. Цзючуань тут же запричитал нараспев, утирая несуществующие слезы:

— Ох, дедушка Лянь! Легкой вам дороги в мир иной! Ступайте с миром, не спотыкайтесь на каменистой тропке!..

Сяо Ван и Сяо Ли тоже принялись усердно хлопать носами, издавая утробное завывание. В

палате сразу стало не по себе — кое-кто из больных поспешно отвернулся к стене, утирая слезы. Похоронная команда бережно понесла носилки к выходу. Цзяньюэ подхватил пакет с яблоками и женьшенем, прижал к локтю коробку с вафлями и зашагал следом.

Спускаясь по лестнице, Цзючуань вкрадчиво поинтересовался у него:

— Может, все-таки нанять профессиональных плакальщиц на время кремации? Повоют как надо, душу отведут. Не сомневайтесь, девчата свое дело знают — бывшая массовка с киностудии Хэндянь, разрыдаются так, что у самих камней сердца лопнут. Кстати, сколько покойному набежало?

— Шестьдесят.

— По лунному календарю?

— Год его зодиакального покровителя. Шестьдесят исполнилось.

— Всего шестьдесят! Какая жалость, жить да жить бы еще... Слушайте, надо бы проводить как подобает, с размахом. А вы сами-то где сейчас трудитесь? Издалека, видать, приехали?

— Сколько просишь? — прямо спросил Цзяньюэ.

Цзючуань растопырил пять пальцев. Парень покачал головой. Собеседник убрал два пальца, оставив три. Цзяньюэ снова отрицательно качнул головой. Ритуальщик вздохнул:

— Эх, дорога на тот свет темна и одинока...

Клиент промолчал, и Цзючуань тоже приуныл. Когда они спустились во двор, Сяо Ван и Сяо Ли уже задвинули носилки в недра побитого жизнью микроавтобуса. Цзяньюэ развернулся, собираясь уйти, но Цзючуань вовремя ухватил его за локоть:

— Пойдите! Вы что, не поедете? У вас своя машина?

— Разве свидетельства о смерти мало, чтобы его сожгли? — равнодушно отозвался Цзяньюэ. — Заберите прах себе, делайте с ним что хотите.

Цзючуань буквально силой впихнул его в салон фургона:

— С ума сошли? Без присутствия ближайшего родственника крематорий даже печь заводить не станет!

Усадив строптивного клиента, ритуальщик щелкнул зажигалкой, раскурил сигарету и протянул ее Цзяньюэ, после чего отвесил несколько поклонов на четыре стороны света. Затем снабдил куревом водителя и его напарника. Микроавтобус тронулся. Сяо Ли на переднем сиденье споро подключил телефон к динамику, закрепленному на крыше, и по окрестностям поплыли монотонные звуки буддийских сутр. Цзяньюэ выразительно приподнял бровь. Цзючуань тут же расплылся в улыбке:

— Музыкальное сопровождение! За счет заведения!

Цзяньюэ аккуратно вернул дымящуюся сигарету владельцу:

— Я не курю, спасибо.

Цзючуань забрал ее, затянулся и глубокомысленно изрек:

— Зря отказываетесь. Это же наша местная, целебная. Трава долголетия!

Фургон миновал больничные ворота.

Вскоре Цзючуань ткнул пальцем в стекло:

— Глядите, вон там ваш отец свой пяточок держал!

Цзяньюэ глянул на обочину. На деревенских клумбах Каменной деревни пышно цвели пионы — крупные, пунцовые и палево-желтые бутоны так и сияли под весенним солнцем, даря странное ощущение тепла. Живот парня предательски заурчал. Он открыл жестяную банку и выудил очередную вафельную трубочку. Заметив взгляд Цзючуаня, вежливо протянул жестянку:

— Угощайся.

Тот мотнул головой, продолжая загадочно улыбаться. Немного помолчав, ритуальщик придвинулся ближе, и в глазах его вспыхнул коммерческий азарт:

— Слушай, а как насчет урны из цельного бивня мамонта? Редчайшая вещь, ручная работа!

Цзяньюэ не отреагировал.

— Сделаю скидку в двадцать процентов, — заманчиво прошептал Цзючуань.

Клиент продолжал меланхолично хрустеть выпечкой. Агент натянуто хохотнул:

— Ну сами посудите, негоже ведь праху близкого человека в чем попало лежать...

Договорить он не успел. Взгляд его упал на круглую жестяную банку из-под вафель, покоившуюся на коленях Цзяньюэ. Цзючуань судорожно сглотнул и заткнулся. Цзяньюэ тоже посмотрел на жестянку, прикинул ее объем руками, словно примеряясь. Отец усох до состояния сухой ветки, так что костей от него должно было остаться всего ничего.

Коробка была заполнена примерно наполовину. Парень принялся жевать быстрее, решив во что бы то ни стало освободить тару до приезда на место.

У ворот крематория Цзючуань взял Цзяньюэ под локоть и повел оформлять бумаги. Они сдали свидетельство о смерти и получили на руки квитанцию на кремацию. Тем временем Сяо Ван и Сяо Ли выкатили тело из машины и занесли в предпечную залу. Хмурый приемщик сверился со списком и недоуменно поднял глаза на вошедших:

— Без гроба, что ли?

— Жгите прямо так, — ответил Цзяньюэ.

Иссохший труп водрузили на выдвижной стальной поддон. Стальная дверца печи с тяжелым лязгом поползла вверх, открывая пасть, ревущую бушующим пламенем. Секунда — и тело Лао Ляня скрылось в огненном зеве.

Сяо Ван и Сяо Ли сразу сбежали курить на крыльцо. В помещении было три печи, но работала только одна, однако невыносимый жар быстро заставил и Цзяньюэ покинуть душный зал. Вокруг здания крематория буйным цветом разрослись кусты древовидных пионов. Бледно-желтые бутоны размером с хороший кулак источали густой сладковатый аромат. Цзяньюэ достал телефон и увлеченно принялся фотографировать цветы.

Внезапно со второго этажа донесся настойчивый стук. Подняв голову, он увидел в окне бледное, перекошенное лицо Цюй Цзючуаня. Тот отчаянно жестикулировал, призывая его вернуться.

Цзяньюэ вошел внутрь и застыл.

Лянь Уцзэн лежал на железной каталке — абсолютно целый, невредимый и нагой. Заслонка печи была распахнута. Приемщик стоял рядом с багровым от гнева лицом, утирая пот со лба, и злобно буравил их взглядом:

— Что за фокусы вы мне тут устраиваете?!

— А почему вы его вытащили? — удивился Цзяньюэ.

Мужчина злобно зыркнул на него, шумно выдохнул и понизил голос до шепота:

— Не горит он.

— То есть? — не понял парень и покосился на Цзючуаня. — Печь сломалась?

— Да не печь сломалась! — рявкнул работник. — Сами поглядите!

Цзяньюэ на секунду задумался, а затем серьезно проговорил:

— Может, сделаете пламя посильнее и подержите подольше? При жизни он занимался боевыми искусствами. Возможно, дело в этом.

Цзючуань вытаращил глаза:

— Вы серьезно? «Золотой Колокол» и «Железная Рубаха»? Но старик-то мертв! Разве после смерти защитные техники продолжают работать?

Крематорщик раздраженно отмахнулся:

— Не несите чушь! Смотрите сюда!

Он выудил из кармана дешевую зажигалку, чиркнул колесиком и поднес ровный язычок пламени к шевелюре усопшего. Черные пряди даже не задымились. Затем он прижал огонь прямо к сероватой коже на руке покойного. Ни гари, ни волдырей — пламя бессильно лизало плоть, не оставляя и следа.

Цзючуань в панике затеребил мочки ушей, усыпанные сережками:

— Чертовщина какая-то... Сколько лет в бизнесе, а такого чуда еще не видывал... — Он боязливо покосился на клиента. — И что теперь делать?

Цзяньюэ подошел ближе и коснулся руки покойного отца. Кожа была ледяной. Он поднес пальцы к его ноздрям — дыхания не было. Приподнял веко — зрачки полностью расширились и не реагировали на свет. Приник ухом к костлявой груди — сердце молчало. Уцзэн определенно был мертв, более того, сладковатый запах разложения уже явственно ощущался в воздухе.

Цзяньюэ выпрямился. В памяти внезапно всплыло одно старое предание.

— Послушайте, — тихо спросил он, — вы не знаете, есть ли где-нибудь поблизости от Каменной деревни Храм Разрешения Мирских Уз?

<http://bllate.org/book/19697/1979559>